

К ИСТОРИИ ЗНАКОМСТВА ЛЕРМОНТОВА С ДЕКАБРИСТАМИ*

Сообщение Д. А. Гиреева и С. И. Недумова

21 июня 1837 г. военный министр А. И. Чернышев сообщил секретно П. А. Клейнмихелю, шефу жандармов А. Х. Бенкендорфу и командиру Кавказского корпуса Г. В. Розену о высочайшем повелении относительно шести «государственных преступников». Государь «повелеть соизволил находящихся на поселении государственных преступников *Нарышкина, Лорера, Лихарева, Назимова, Розена и Фохта* определить рядовыми в Отдельный кавказский корпус, назначив их в разные батальоны под строгий присмотр и с тем, чтобы они непременно несли строевую службу по их званию и без всяких облегчений»¹.

22 июня было послано дополнительное извещение, касающееся судьбы А. И. Одоевского. «Высочайшее повеление» о нем было более лаконичным: «...Находящегося на поселении государственного преступника Одоевского определить рядовым в Отдельный кавказский корпус»². От напутствия о «строгом присмотре» и суровых условиях службы Одоевский был избавлен. Так же было сформулировано и «высочайшее повеление» о декабристе А. И. Черкасове. Он был определен рядовым в один из полков Кавказского корпуса 28 июля 1837 г.³

Переводу Одоевского и Черкасова предшествовали длительные хлопоты их родственников. В делах Военного министерства имеется прошение мачехи Черкасова от 19 июля 1837 г. на имя наследника о переводе ее пасынка на Кавказ⁴. Таким образом, в июне—июле 1837 г. из Сибири на Кавказ получили перевод восемь декабристов. Но один из них,

* В 1837 г., когда Лермонтов был выслан на Кавказ за стихи на смерть Пушкина, в Отдельный кавказский корпус была переведена значительная группа декабристов, находившихся до тех пор на поселении в Сибири. Со многими из них Лермонтов познакомился, с некоторыми подружился.

Встречи великого поэта с представителями первого поколения русских революционеров, несомненно, имели для него большое значение. Достаточно вспомнить стихотворение «Памяти Одоевского» или глухое упоминание в «Княжне Мэри» о «философско-метафизическом» споре «в многочисленном и шумном кругу молодежи» в городе «С...». Доказано, что Лермонтов имел здесь в виду Ставрополь, где в 1837 г., как мы знаем из воспоминаний современников, он встретился с декабристами.

Длительны ли были эти встречи? Когда и кого именно из декабристов видел Лермонтов на Кавказе? Об этом мы имеем самые сбивчивые мемуарные свидетельства, и это вполне понятно: воспоминания о ставропольском периоде жизни Лермонтова писались через тридцать—сорок лет после событий и припомнить по месяцам, а тем более по дням, где и когда был мемуарист на Кавказе, затруднительно. Подлинные документы о пребывании декабристов на Кавказе в 1837 г. обнаружены Д. А. Гиреевым и С. И. Недумовым в Пятигорском архиве, в Государственном историческом архиве Грузинской ССР и в некоторых московских архивах.

Сопоставляя эти документы с хронологической канвой жизни Лермонтова, авторы сообщения высказывают ряд убедительных догадок о возможности встреч поэта с декабристами и опровергают некоторые предположения об одном из интересных эпизодов в биографии великого поэта, бытующие до сих пор в литературе.— *Ред.*

Фохт, «по причине крайне расстроенного здоровья, согласно высочайшей воле», был «оставлен в г. Кургане на прежнем основании»⁵.

Еще задолго до того, как декабристы должны были прибыть из Сибири, кавказское начальство стало готовиться к приему «государственных преступников». Было решено, чтобы вновь вступавшие в Отдельный кавказский корпус ехали обязательно через Ставрополь, где находился Штаб войск Кавказской линии и Черноморья.

28 июля начальник корпусного штаба генерал-майор Вольховский послал начальнику штаба войск Кавказской линии и Черноморья секретное предписание относительно четырех из переведенных декабристов: государь «повелеть соизволил находящихся на поселении государственных преступников *Нарышкина, Лорера, Лихарева и Назимова* определить рядовыми в Отдельный кавказский корпус, назначив их в разные батальоны, из которых г. корпусной командир назначил первого в Навагинский, второго — в Тенгинский пехотные, Лихарева — в Куринский и Назимова — в Кабардинский егерские полки, причем, прося об отправлении их по назначению прямо в полки присовокупляет, что воинскому в Екатеринограде начальнику предписано в случае, если они направлены будут из Сибири на Екатериноград, то обратить их в Ставрополь»⁶.

Начальник штаба войск, в свою очередь, отдал 5 августа секретное распоряжение коменданту Ставрополя о том, чтобы названные лица по приезде «...тотчас представлены были в штаб сей для отправления по назначению. Люди сии будут присланы в Кавказский корпус из Сибири <...> потому не угодно ли будет приказать, чтобы они не проследовали в Тифлис?»⁷

В Ставрополь декабристы приехали только в октябре. Видимо, где-то в пути группа их разбилась на партии. Первыми прибыли Нарышкин, Назимов и Одоевский. 10 октября из штаба войск доносили командующему Кавказским корпусом: «...Из числа трех государственных преступников, следовавших из Сибири в г. Тифлис в сопровождении казака Тобольского русского городского казачьего полка Тверетинова, Нарышкин и Назимов <...> сданы в штаб войск Кавказской линии и немедленно отправлены будут по назначению: Нарышкин — в 5-й батальон Навагинского пехотного полка, а Назимов — в Кабардинский егерский полк; Одоевский же в сопровождении Тверетинова вместе с сим отправился в дальнейший путь...»⁸

Назимов и Нарышкин, действительно, были «сданы исправно» в штаб 10 октября, как свидетельствует об этом квитанция, выданная казаку Тверетинову, а из «сопроводительной» к их личным делам, адресованной капитану Сердаковскому, выясняется, что они «прибыли 8 числа сего месяца в Ставрополь и находятся в ведении штаба сего на квартире в доме Постникова под наблюдением урядника Моздокского казачьего полка Кулешова»⁹.

Несомненно, что 8 октября вместе с Нарышкиным и Назимовым прибыл в Ставрополь и Одоевский. Ведь он тоже следовал под охраной казака Тверетинова. Да и Назимов впоследствии вспоминал, что он ехал из Сибири в одном экипаже с Одоевским, передавая при этом подробности по поводу создания стихотворения Одоевского «Куда несетесь вы, крылатые станицы?...». «Этот экспромт сказан Одоевским при виде станицы журавлей, летевших на юг, когда он ехал со мною в одном экипаже из Сибири на Кавказ в октябре 1837 года. Стихотворение это тогда же было записано мною на ближайшей станции со слов моего друга Одоевского»¹⁰.

Одоевский был назначен в Нижегородский драгунский полк, стоявший в Карагаче под Тифлисом, куда он и отправился 10 октября. В тот же день Нарышкин сообщал родным: «Пишу вам из Ставрополя, куда мы

В. Н. ЛИХАРЕВ

Рисунок А. Б. Гибала, 1823 г.
Внизу — сделанные рукой Гибала
надписи по-французски: (справа)
«Ново-Миргород, 1823. А. Ги-
баль» и (слева позднейшая над-
пись) «Лихарев, сосланный в
Сибирь»*

Литературный музей, Москва

кой-как дотащились по весьма грязной и затруднительной дороге. Здесь расстаюсь я с добрыми моими сопутниками и каждый из нас получает особенное назначение. Мы назначены в полки, которые расположены по сю сторону Кавказа и потому уже не поедем в Тифлис, на который нам очень хотелось взглянуть хотя мимоходом и познакомиться с совершенно новою для нас страной <...> место моего пребывания кажется теперь будет в Прочном окопе, в 60-ти верстах отсюда»¹¹.

Итак, 8—10 октября в Ставрополе находилось трое декабристов, из которых Назимов «близко знал и любил»¹² Лермонтова, а Одоевский позднее стал его другом.

Не было ли положено начало этой дружбе именно в октябрьские дни 1837 г.? «Нужно раз и навсегда отвергнуть версию о том, будто Лермонтов и Одоевский встретились в октябре 1837 года в Ставрополе», — утверждает автор одного из последних исследований о пребывании Лермонтова на Кавказе¹³. Теперь, когда мы знаем точную дату пребывания Одоевского в Ставрополе (8, 9 и 10 октября), это категорическое утверждение исследователя, ничем, кстати сказать, не аргументированное, можно считать сильно поколебленным. Напротив, у нас есть все основания полагать, что первое знакомство Лермонтова с декабристами произошло именно в Ставрополе в октябре 1837 г.

* Публикуемый здесь портрет В. Н. Лихарева предоставлен редакции М. Н. Заемидко, обнаружившей его в альбоме (1818—1840 гг.) художника-дилетанта А. Б. Гибала. Альбом находится в собраниях Государственного Литературного музея.

Проследим даты странствий Лермонтова в это время.

Известно, что после лечения на Минеральных водах Лермонтов направился в Тамань, чтобы попасть в действующий отряд. Но, по распоряжению Николая I, осенняя экспедиция была отменена, и 25 сентября войска выступили на зимние квартиры.

29 сентября Лермонтов явился в действующий отряд в Ольгинское укрепление (близ Геленджика). «...Я предписываю вам отправиться в свой полк; на проезд же ваш от укрепления Ольгинского до г. Тифлиса препровождаю при сем подорожную № 21-й, а прогонные деньги извольте требовать по команде с прибытием вашим в полк», — писал в распоряжении Лермонтову начальник «походного дежурства штаба войск Кавказской линии и в Черномории» в тот же день, 29 сентября¹⁴.

Путь из Ольгинского укрепления в Тифлис лежал через Ставрополь. Когда же Лермонтов приехал в Ставрополь и сколько времени он там пробыл?

В связи с плохим состоянием тогдашних дорог можно предположить, что он должен был приехать в Ставрополь в первых числах октября, возможно — 3-го или 4-го.

В Ставрополе Лермонтов остановился у своего родственника П. И. Петрова. А Петров и был начальником штаба войск Кавказской линии, которому Лермонтов был подчинен. Вполне вероятно, что Лермонтов задержался в Ставрополе на несколько дней. Если же 8 октября он был еще в Ставрополе, то мог встретиться там с Нарышкиным, Назимовым и Одоевским.

Через два дня, как мы знаем, Одоевский под охраной казака Тверетина направился в Тифлис в Нижегородский драгунский полк. Туда же ехал и Лермонтов. В царском приказе о переводе Одоевского на Кавказ не было указано на необходимость строжайшего присмотра за ним, естественно поэтому допустить, что казак Тверетин не препятствовал совместному путешествию Одоевского и Лермонтова к своему полку.

Путешествие это могло затянуться: в Екатеринодаре иногда подолгу приходилось ждать оказию. Из материалов же об Одоевском мы знаем, что в Нижегородском драгунском полку на лезгинской кардонной линии он служил лишь с 7 ноября 1837 г.¹⁵

Это совместное путешествие обоих поэтов от Ставрополя до Тифлиса и могло положить начало той дружбе, о которой впоследствии Лермонтов вспоминал: «Я знал его — мы странствовали с ним в горах Востока...».

* * *

Новые данные о проезде группы декабристов в октябре 1837 г. через Ставрополь позволяют нам проверить правильность многих сведений, имеющих в позднейших мемуарах.

Прежде всего необходимо остановиться на воспоминаниях Н. М. Сатина. Широко известен рассказанный им эпизод о встрече декабристов с царской процессией во время проезда Николая I через Ставрополь. Главным героем этого эпизода Сатин называет Одоевского.

Сатин красочно изображает сильную непогоду 17 октября 1837 г., в день приезда Николая I в Ставрополь, описывает, как декабристы, привлеченные криками «ура», вышли на балкон. «Вдали, — продолжает Сатин, — окруженная горящими (смоляными) факелами двигалась темная масса. Действительно, в этой картине было что-то мрачное. „Господа! — закричал Одоевский. — Смотрите, ведь это похоже на похороны! Ах, если бы мы подоспели!...“ И, вышивая залпом бокал, прокричал полатыни: „Ave, imperator, morituri te salutant“*»¹⁶.

* Славься, император, обреченные умереть тебя приветствуют (лат.).

Не говоря о том, что поведение Одоевского (как оно дано в изображении Сатина) очень мало согласуется с характером поэта-декабриста, мы теперь имеем возможность установить несоответствие воспоминаний Сатина документальным данным о времени пребывания Одоевского в Ставрополе.

Одоевский, как сказано, 10 октября уехал из Ставрополя, а Николай I был там только один день — 17 октября.

Но мало этого: именно накануне приезда царя, 16-го числа, из Ставрополя были спешно отправлены и другие декабристы. Ознакомимся с новыми документами.

13 октября ставропольскому коменданту было направлено из штаба войск Кавказской линии секретное предупреждение об ожидающемся прибытии декабриста Черкасова, назначенного в Тенгинский пехотный полк¹⁷. 16 октября Черкасова, действительно, привезли вместе с Лорером и Лихаревым. Сопровождавшему эту партию уряднику Петру Горшкову тотчас был дан приказ о немедленной сдаче «государственных преступников» в штаб войск. Это было исполнено: 16 октября Горшков получил квитанцию в том, что преступники «сданы им исправно»¹⁸. В тот же день, не дав передохнуть измученным путникам, их отправили в Екатеринодар под охраной урядника Конова.

Конов получил самые строгие предписания относительно условий поездки декабристов. Приказ от 16 октября гласил: «Предписываю тебе, по получении сего, отправиться из Ставрополя в г. Екатеринодар с государственными преступниками Лорером, Черкасовым и Назимовым, определенными, согласно высочайшей воле, рядовыми: первые два в Тенгинский, а последний — в Кабардинский егерский полки, и, по прибытии туда, явиться в дежурство 20-й пехотной дивизии, где и сдать вместе с конвертами <...> под квитанцию. Во время пути ты должен наблюдать, чтобы помянутые рядовые нигде без особой законной причины не останавливались, на довольствие же их имеешь выдавать каждому из них по 50 копеек ассигн. в сутки под собственные их расписки...»¹⁹.

Вспомним, что приехавшие 8 октября вместе с Одоевским Назимов и Нарышкин оставались еще в Ставрополе. Теперь Назимов был отправлен одновременно с Лорером и Черкасовым к месту своего назначения. В тот же день, 16 октября, был отправлен и Нарышкин. Его повез в крепость Темнолесскую рядовой Чулик. В письме командиру пятого батальона Навагинского полка Миронову предписывалось «зачислить рядового сего <Нарышкина> в роту, расположенную в Прочном окопе, дабы доставить ему более случая в деле против горцев загладить свое преступление»²⁰.

Таким образом, из шести переведенных на Кавказ декабристов 17 октября, в день приезда Николая I, в Ставрополе остался только один Лихарев. Надо думать, что его задержали лишь потому, что боялись встречи царя (подъезжавшего к Ставрополю со стороны Пятигорска) с декабристом.

Как нам известно, Николай I пробыл в Ставрополе только один день. 18 октября он уже отправился в Новочеркасск. А 19 октября урядник Кулешов повез Лихарева в штаб Куринского егерского полка в крепость Грозную, получив такое же строгое предписание, как и урядник, увозивший Лорера, Черкасова и Назимова²¹.

Разумеется, что вся приведенная переписка была секретной: она обнаружена нами в «Журнале секретных исходящих бумаг» штаба войск Кавказской линии и Черноморья.

Итак, ставропольские власти приняли все меры, чтобы во время пребывания царя в городе не оставались бывшие «бунтовщики». Однако есть некоторые основания предполагать, что распоряжения о вывозе декабристов из Ставрополя не были осуществлены в силу тех или иных

обстоятельств (отсутствие лошадей, опасения, что они в пути встретятся с царем, и т. д.).

В своих воспоминаниях Сатин с большими подробностями изображает проезд в Ставрополь той самой группы декабристов, маршрут которой мы только что проследили.

«Однажды мы у него завтракали,— описывает Сатин свои встречи с генералом Зассом в Ставрополе.— Завтрак уже кончился, и мы сидели за стаканами кахетинского в веселой дружеской болтовне.

Взошел адъютант и, подавши Зассу пакет, объявил, что привезли из Сибири шестерых разжалованных в солдаты.

— Это декабристы!— сказал Засс,— просите их сюда.

Через несколько минут в палатку вошли шесть человек средних лет в полудорожных костюмах и несколько сконфуженных. Но Засс тотчас ободрил их; он принял их не как подчиненных, а как товарищей. Подали еще вина, и скоро разговор сделался общий и оживленный. Эти декабристы были: Нарышкин, Лорер, барон Розен, Лихарев и поэт — князь Александр Одоевский. Фамилию шестого теперь не могу припомнить»²².

Можно ли полностью доверять мемуарам Сатина,— который, кстати сказать, писал их через тридцать лет после событий,— если он так беззаботно манипулировал именами и фактами? Конечно, нет.

Необходимо внести поправки также и в мемуары Н. И. Лорера. По его воспоминаниям выходит, что приехавших в Ставрополь декабристов прежде всего принял командующий войсками Кавказской линии генерал А. А. Вельяминов, пообещавший им даже свою протекцию. По документам же видно, что 16 октября, в день приезда Лорера в Ставрополь, Вельяминова там не было: он поехал встречать царя. Далее Лорер рассказывает о событиях, которые якобы происходили на следующий день: «Вечером нас потребовали в штаб для объявления, кто из нас в какой полк назначен. Государь повелел разместить нас непременно по разным местам. Одоевскому, как бывшему кавалеристу, досталось в Тифлисе в Нижегородский драгунский полк, мне — в Тенгинский полк, квартирующий в Черномории. В эту же ночь должны мы были отправиться по полкам. Нам дали прогоны каждому на руки. В первый еще раз, с выезда из Сибири, мы отправились без провожатых и только оттого, что уже рядовые, принадлежим государю и вошли в состав армии. Была туманная, черная ночь, когда несколько троек разъехались в разные стороны...»²³

Мы теперь знаем, что декабристы выехали из Ставрополя не одни, а в сопровождении урядников. Что же касается назначения Одоевского, то об этом Лорер мог узнать только от других: он приехал в Ставрополь после отъезда Одоевского в Тифлис. Возможно, однако, что Вельяминов пожелал лично познакомиться с декабристами, попавшими во вверенные ему полки, и вызвал их, спустя некоторое время, в Ставрополь.

Нам остается добавить еще несколько подробностей, почерпнутых из неопубликованных архивных документов относительно других декабристов. Их, по традиции, считают знакомыми Лермонтова, с которыми он якобы общался в Ставрополе осенью 1837 г. Со слов Сатина, обычно называют семь имен: В. М. Голицын, С. И. Кривцов, Н. И. Лорер, М. А. Назимов, М. М. Нарышкин, А. И. Одоевский и А. Е. Розен²⁴.

Лорер познакомился с Лермонтовым только в 1840 г.²⁵; об Одоевском, так же как и о Назимове и Нарышкине, мы говорили уже выше. Что касается Розена, то он, повидимому, не встречался с Лермонтовым в Ставрополе. Переписка секретной части Инспекторского департамента Военного министерства уточняет обстоятельства перемещения Розена из Тифлиса в Пятигорск. 16 декабря 1837 г. Бенкендорф направил военному министру А. И. Чернышеву секретное отношение, в котором сообщал, что

«государь император, по донесению исправляющего должность военного полицмейстера в Кавказском крае, подполковника корн<уса> жандармов Гринфельда, о болезненном положении назначенного на службу в Отдельный кавказский корпус государственного преступника Розена, который ходит лишь с помощью костылей, — высочайше повелеть изволил: Розена поместить в Пятигорск, где он найдет все способы лечения».

18 декабря Чернышев уведомил об этом командующего Отдельным кавказским корпусом, дополнительно запросив: «Куда именно вы Розена назначите?». Командующий Кавказским корпусом отвечал 25 января 1838 г.: «...рядового Мингрельского егерского полка из государственных преступников, Розена, вследствие высочайшей воли <...> я назначил на службу в Кавказский линейный № 3 батальон, в Кисловодске расположенный»²⁶.

Совершенно очевидно, что при таких обстоятельствах Розен не мог быть в Ставрополе в декабре 1837 г., когда там несколько дней, проездом в столицу, жил Лермонтов.

Обнаружены новые данные и о В. М. Голицыне²⁷. Одновременно с Лермонтовым он летом 1837 г. был в Пятигорске: в книге ваннх билетов под датой 24 мая 1837 г. записано: «Выдано 10 билетов унтер-офицеру Валерьяну Голицыну»²⁸. Голицын служил в Кабардинском егерском полку, стоявшем под Ставрополем, а в Пятигорске был в отпуску²⁹. Таким образом, в 1837 г., когда Лермонтов проездом в Петербург задержался в Ставрополе, он, вероятно, встретил в кружке декабристов и своего знакомого В. М. Голицына. Встреча Лермонтова с Голицыным в Пятигорске летом 1837 г. разъясняет еще одно недоразумение. В 1833 г. в печати появились недоброжелательные по отношению к поэту воспоминания Раевской о причинах дуэли Лермонтова с Мартыновым³⁰. Автор статьи ссылался на свидетельство В. М. Голицына, который якобы находился в Пятигорске в 1841 г. одновременно с Лермонтовым. Между тем по документам III Отделения выяснилось, что Голицын в 1839 г., выйдя в отставку, жил под надзором в Орле³¹; следовательно, он не мог быть свидетелем дуэли Лермонтова в 1841 г. Теперь мы знаем, что Голицын, действительно, жил одновременно с Лермонтовым в Пятигорске, но не в 1841, а в 1837 г. Это обесценивает его рассказы о взаимоотношениях Лермонтова с Мартыновым, о которых он мог судить только по впечатлениям 1837 г.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ ЦГВИА, ф. № 395, оп. 268/856, св. 192, д. 69 (Военного министерства, инсп. департамента Канцелярии 2-го стола по секретной части).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же, ф. № 1, оп. 1, д. 1150, л. 2.

⁵ Там же, ф. № 395, оп. 268/856, св. 192, д. 69. — Н. И. Лорер вспоминал, что 21 августа из Кургана на Кавказ выехали: сам мемуарист, Нарышкин, Назимов, Лихарев, Фохт и Розен («после за нами, однако, последовавший», — добавляет Лорер, стр. 177). Возможно, что Фохт выехал, но вернулся, так как просьба его и высочайшее повеление об оставлении в Кургане относятся уже к ноябрю 1837 г.

⁶ Центральный гос. исторический архив Груз. ССР, ф. № 1083, оп. 8, д. 22, запись № 2 от 4 августа.

⁷ Там же, ф. № 1025, оп. 2, д. 652, л. 3.

⁸ Там же, л. 5 об.

⁹ Там же, л. 6, запись № 19 от 12 октября.

¹⁰ «Русская старина», 1870, № 6, стр. 575—576.

¹¹ ЛБ, ф. Муз., шифр М. 5808/1, л. 3.

¹² «Голос», 1875, № 56 от 25 февраля; ср. Л. И в а н о в а. Лермонтов и декабрист М. А. Назимов. — «Лит. наследство», т. 58, 1952, стр. 436.

¹³ Ираклий А н д р о н и к о в. Лермонтов. М., 1951, стр. 195.

¹⁴ «Документы о пребывании М. Ю. Лермонтова на Кавказе, обнаруженные в Центральном государственном архиве Грузинской ССР». — «Лермонтов. Временник Государственного музея „Домик Лермонтова“», I. Пятигорск, 1947, стр. 64.

¹⁵ ВД, т. VIII, стр. 367.

¹⁶ Из воспоминаний Н. М. Сатина. — «Почин». М., 1895, стр. 242.

¹⁷ Центральный гос. исторический архив Груз. ССР, ф. № 1025, оп. 2, д. 652.

¹⁸ Там же, л. 7.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Н. М. С а т и н. Указ. соч., стр. 250; ср. В. К а н д и е в. Лермонтов в оценке Белинского. — «Ученые записки Северо-Осетинского Гос. пед. института им. Хетагурова», 1940, т. 11/XV, вып. 1, стр. 109; Н. Л. Б р о д с к и й. Лермонтов и Белинский на Кавказе в 1837 году. — «Лит. наследство», т. 45-46, 1948, стр. 737 и 738.

²³ Л о р е р, стр. 189—190.

²⁴ С р. А. В. П о п о в. Лермонтов на Кавказе. Ставрополь, 1954, стр. 103—107.

²⁵ Л о р е р, стр. 241; ср. С. А. А н д р е е в-К р и в и ч. Лермонтов и Кавказ. — «Новый мир», 1941, № 1, стр. 254.

²⁶ ЦГВИА, ф. № 395, оп. 268/856, св. 195, д. 145.

²⁷ Уже было высказано предположение, что Голицын был летом 1837 г. в Пятигорске: Белинский в письме к Сатину упоминал о каком-то их общем пятигорском знакомом Голицыне. Н. Л. Бродский утверждал, что это — декабрист Валериан Михайлович Голицын, и охарактеризовал письмо критика как «единственное свидетельство о встрече Белинского на Кавказе с одним из бывших декабристов» («В. Г. Белинский и его корреспонденты». М., 1948, стр. 273).

²⁸ Пятигорский гос. архив, ф. № 325, «Книга важных билетов».

²⁹ Центральный гос. исторический архив Груз. ССР, ф. № 1083, оп. 10, д. 45.

³⁰ Е. Р а е в с к а я. Из памятной книги. — «Русский архив», 1883, № 2, стр. 295.

³¹ Э м м а Г е р ш т е й н. Лермонтов и семейство Мартыновых. — «Лит. наследство», т. 45-46, 1948, стр. 702, 706.